

*Посвящается моему мужу и нашим
детям, которые постоянно хотели
есть, пока я хотела писать*

Вместо предисловия, или Моя большая писательская афера

Мне кажется, я всегда хотела стать писателем.

Нет, конечно, в детстве меня посещали причудливые идеи податься в актрисы, президенты или стать темнокожей певицей, томно затягивающейся сигаретой, но они были проходящими. А вот фантазия сидеть перед окном, выходящим на гладь лесного озера, и писать... прижилась настолько, что однажды я решилась на бунт.

Бунт не был масштабным. Скажем прямо, никого он не взволновал так, как меня саму. Я же дрожала от собственной дерзости как осиновый лист на ветру у того самого лесного озера.

Я сидела в офисе над очередным документом, мучала коллег экскурсом в мир русской грамматики, объясняя, в чем принципиальное различие между «в течении» и «в течение», когда ко мне пришло горькое осознание того, что грамотно изложенные договоры и служебные записки, вероятно, будут тем самым «итогом» моей блестящей карьеры корпоративного юриста.

И тогда я решила отдаться призванию: нет, не стать писателем, как вы подумали... а родить третьего ребенка и уйти в отпуск по уходу за ним.

Я молниеносно забеременела, родила, вышла в декрет, чтобы беспрепятственно заниматься творчеством. И только оказавшись дома с тремя маленькими детьми, поняла, что план стать писателем за счет третьих родов был так себе идеей.

Куда проще было бы стать темнокожей певицей, томно затягивающейся сигаретой.

Самопровозглашенным писателем в «Инстаграме»¹ с соответственной «шапкой профиля» я пробыла следующие два года, балуясь постами и отвечая на вопрос подписчиков «Когда уже будет книга?» наглым враньем: «Пишу», «Вот-вот», «Скоро».

Но я не писала. Я боялась. В конце концов, о чем мне писать? Ни мало-мальски несчастного детства, ни измен и женской боли, ни покорения Эвереста. Даже на деловую литературу не могла замахнуться, поскольку за спиной ни громких побед в суде, ни успешного успеха на швейцарском счете, ни хотя бы «семи навыков высокоэффективного человека»².

Тем не менее высокоэффективной я, конечно, была.

В родильном доме, например. Но трое детей не тянут на сенсацию — я наводила справки.

* * *

Путь в тысячу миль начинается с первого шага. Потому... я купила очки. Предполагалось, что я буду денно и ночью писать романы, а это та еще нагрузка на зрение, знаете ли.

Через месяц я купила макбук. Опять-таки, романы нужно писать на чем-то достойном.

Через шагов, призванных сделать меня писателем, закончилась грандиозным ремонтом в новой квартире. «Хочу такой интерьер, чтобы было понятно: здесь живет писатель, интеллигентия!» — заявила я на первой встрече с дизайнером. Это означало большие книжные шкафы, деревянный рабочий стол, белые стены с гипсовой лепниной, винтажные кресла, ковры...

¹ Деятельность компании Meta Platforms, Inc. (в т. ч. по реализации сетей Facebook и Instagram) запрещена в Российской Федерации как экстремистская. — *Здесь и далее примечания редактора.*

² Кови С., Кови Ш. Семь навыков высокоэффективных людей. Мощные инструменты развития личности. — М.: Альпина Паблишер, 2024.

Если бы я тогда знала, что писать буду в ванной комнате, спрятавшись от детей!

Мы переехали в новую квартиру, на рабочем столе красовался макбук, на носу — очки с нулевыми диоптриями, а книга... Книга так и не появилась.

И вот однажды позвонила золовка, не так давно объявившая себя магистром космоэнергетики, что бы это ни значило. Насколько мне было известно, в космос Касиет не летала и на энергетической станции не работала. Тем не менее космоэнергетик в семье не помешал бы.

— Давай займемся энергопрактикой на исполнение желания?

— Давайте, — бодро ответила я, поскольку снохе в традиционной семье идет на пользу выражать восторг на предложения родственников со стороны мужа. Даже если эти предложения связаны с космоэнергетикой, что бы это ни значило.

— Включи видеозвонок, создай тишину и покой вокруг себя, — дала Касиет первые наставления.

Для женщины с тремя маленькими детьми тишина и покой и были тем самым желанием, по следу которого она и собиралась пустить всех собак — мощь космоса и энергетической станции. Но, побоявшись задеть золовку такой приземленной шуткой, я уверила ее, что уже на полпути к дзену: младшая спит, старшая в школе, а трехлетка — во дворе.

Один.

Хочется надеяться, что с Богом.

— Расслабь ноги, руки, позвоночник, лицо, глаза, брови, — продолжила она мягким усыпляющим голосом.

— Аха-а, — закрыв глаза, пыталась я ответить атрофированным от расслабления ртом.

— Представь большой шар высоко над собой, — монотонно бубнила золовка.

— Угу.

— Шар опускается, опускается...

— Угу, — только и успевала на всякий пожарный соглашаться я.

— Шар, опускаясь, уменьшается — и вот он в твоих ладонях.

Все еще прикрыв один глаз, чтобы не сбивать настрой магистра неточных наук, вторым я высматривала в окне играющего сына. Выдохнула: «В розах копошится, пока мать в космос летала».

— Взгляни внутрь шара, там твое желание, видишь?

— А-а-а-а-ха, — пространно ответила я, потому что перед глазами все еще стояли брусчатка, на ней куча земли и отблужившийся от моего сына розовый куст.

— Прижми его к сердцу. Вообрази, что идешь с ним по полю.

— Угу.

— И встречаешь родителей.

— Окей.

— За родителями стоят бабушки-дедушки, а за бабушками-дедушками — прабабушки и прадедушки, а за ними — прапрабабушки и прапрадедушки... и так весь род из ста двадцати восьми человек.

— Угу.

— Поклонись родителям.

— Угу.

— Нет, встань и поклонись.

Я встала и слегка, чтобы оградить остатки рассудка от такой практики, кивнула не открывая глаз.

— Поклонись от души, до пола, — не унималась золовка.

Я поклонилась от души. Душа, как выяснилось, была мелковата для размашистого поклона. Чего уж таить, это выглядело так, словно мою шею перевязали тугим жгутом и тянули за него вниз, а шея из последних сил стремилась вверх.

— И так сто двадцать восемь раз... каждому предку, — удовлетворенно велела золовка.

Бабушек и дедушек, которых щедро выдавала моя память, я представляла отчетливо и потому про себя сопротивлялась голосу в телефоне: «Это же мой дедушка! Он наверняка захотел бы меня обнять! К чему эта показуха?»

На шестьдесят четвертой бабке я поймала себя на мысли, что мои тяжелые, исполненные достоинства поклоны превратились в фамильярные ужимки пьяного гостя на свадьбе.

Стоит ли говорить, что на сотом предке я кланялась, раздавала автографы, слепла от софитов и пробиралась через беснующуюся толпу фанатов моей воображаемой книги?

На сто двадцать восьмом не смогла разогнуться обратно. Что-то защемило.

— Молодец, — похвалила золовка, — твои предки встали в круг, и у каждого в руках кусочек твоего шара с желанием. Они подняли руки вверх, разомкнули ладони — и сто двадцать восемь шариков кружатся над тобой. Наконец они соединились, и твое желание опускается тебе в руки. Что ты чувствуешь?

— Что я не одна со своим желанием в этой Вселенной! Что меня поддерживают по меньшей мере мои предки! Что желание хорошее, благородное, — искренне, с придыханием и воодушевлением проговорила я, стараясь не показывать, что пустила слезу.

— Ну здóрово! — закончила она.

— Касиет, а с какой целью я кланялась сто двадцать восемь раз? Зачем?

— Это, — с видом умиротворенного буддийского монаха улыбнулась золовка, — как минимум полезно для позвоночника.

В тот день я загадала стать настоящим писателем, автором хорошей книги.

* * *

Желание исполнилось через несколько месяцев, когда мне в директ написала известная теледива: «Унзила, у меня деловое предложение». Добрую минуту я пицала в подушку, а потом — самодостаточно и очень деловито — ответила: «Слушаю».

Кого я обманываю?!

На самом деле я визжала от счастья — никакого хладнокровия, ноль выдержки... А ответом мне стала та самая самодостаточная и очень деловитая тишина. Полдня я гипнотизировала взглядом инстаграмный¹ почтовый ящик, но никакого предложения не поступало. Наконец, бесконечно обновляя переписку и заработав на большом пальце мозоль, решила взять известную журналистку юмором, а может, надавить на жалость, и выдала: «После таких слов пропадать? Чувствую себя, словно парень после свидания не перезвонил».

Она появилась в сети только вечером, когда запас юмора иссяк, все больницы в ее поисках я обзвонила и тридцать три сообщения от «Я, королева андалов, ройнаров и Первых людей...» до «Пожалуйста, не предлагайте мыть посуду у вас в офисе, я же могу согласиться на все, чтобы крутиться рядом с вами» написала. Мы поговорили несколько минут, теледива обозначила, что хочет собрать в команду мастеров своего дела и копирайтер пришелся бы кстати. «Не для того я весь день как на иголках провела», — подумала королева андалов, но, вспомнив о перспективе мыть посуду, быстро ответила: «А давайте пересечемся, у меня есть встречное предложение».

Стоит ли говорить, что, положив трубку, я сначала записалась на маникюр и только потом позвонила маме?

Стоит ли говорить, что за два дня проштудировала всю бизнес-литературу, чтобы выяснить, как вести себя на переговорах?

Стоит ли говорить, что за час до встречи я стояла перед зеркалом со свежим маникюром, укладкой, шугарингом (мало ли!) и без одежды?

Что надеть?

Костюм, сиротливо повисевший весь декрет в шкафу и напоминавший о юридическом прошлом? Нет, он мог намекнуть светской львице, что я прекрасный офисный

¹ Деятельность компании Meta Platforms, Inc. (в т. ч. по реализации сетей Facebook и Instagram) запрещена в Российской Федерации как экстремистская.

планктон и хочу работать у нее от зари до зари. А этого никак нельзя было допустить.

Только фриланс¹ — беспечный, голодный фриланс. Потому я нацепила нечто похожее на пижаму — чтоб, знаете, наверняка! И поехала на встречу.

Поднялась на двадцать второй этаж здания с панорамными окнами. То ли от вида, то ли от волнения затаила дыхание, постояла в холле минут пять и только потом написала теледиве: «Я пришла».

Меня встретил долговязый мужчина, который представился как Омаров, и я сделала круглые глаза, ведь была о нем наслышана, хоть ни разу не видела. Это же луна, звезды — в общем, величина в мобилографии. Я приняла решение с ним подружиться, чтобы иметь «своего человека» на встрече. Самый быстрый нетворкинг в истории человечества: по пути в офис, метров этак за десять, нужно было обзавестись «другом» и, главное, убедить его в дружбе до гроба. Чтобы в случае чего было кому за меня заступиться и поддержать.

Итак, я вошла в кабинет.

Меня окружила команда известной журналистки. Мой лучший друг Омаров, которого полвстречи я так и называла — по аккаунту, поскольку имени не знала. Крутой фотограф, к которому очень давно хотела попасть на фотосессию в стиле ню² (в подарок мужу!), но потом застеснялась и пропала. И слава богу! А то сидеть за столом «после всего, что было» как-то неловко. Менеджеры по рекламе, которым морочила голову расспросами о стоимости рекламы у телеведущей. Директор звезды со своими шуточками, после которых он, как порядочный человек, был бы обязан на мне жениться. И, наконец, сама дива.

— Расскажите, Унзила, чем вы можете быть полезны? — извиваясь в своем зеленом платье словно змея, спросила она.

¹ Удаленная работа (*англ.*).

² Нагой, обнаженный (*фр.*).

Тут-то я и поняла, что меня хотят схантить¹ у безызвестности. И без зазрения совести лягнула: «*Написать книгу*. — А потом, вспомнив вопрос о полезности, благо-родно добавила: — *В соавторстве*».

Следующий час я расписывала, как хороша будет эта самая книга, какой произведет фурор, как займет стеллажи с бестселлерами, и время от времени вбрасывала в свой рассказ в случайном порядке термины с писательских курсов: арка героя, авторский лист, коннотация...

Добравшись до дома, я села на лавочку и замерла, не в силах двинуться с места.

Я знала, в чем дело.

Я завралась.

Безбожно заигралась в писателя.

— Мама! Я больше не буду врать. Но сейчас меня надо спасти. Как пишутся книги? — выпалила я, едва дозвонившись до матери. Потом набрала номер мужа, свекрови, подруги.

Никто из них не знал, как пишутся книги.

* * *

На следующее утро я позвонила журналистке, надеясь, что та передумала. Не тут-то было. Не успела я поздороваться, как она выпалила приглашение на ужин. «...Познакомимся поближе в неформальной обстановке, может, соберете материал», — услышала я лишь концовку.

Как понимаете, и этот день я провела перед зеркалом с мыслями «что надеть, чтобы было очевидно: я — не аферистка, я — писательница».

Выбор пал на широкую, в пол, накидку. Именно так я представляла себе писательниц — завернутых в нечто странное, многослойное, в тяжелых бусах, с массивными кольцами и умным насмешливым взглядом.

¹ Переманить у другой компании (*англ.*).

Когда я, подметя подолом весь столичный асфальт, наконец добралась до офиса, куда теледива пригласила друзей (известного дизайнера, жену высокопоставленного чиновника, советника посла США в Казахстане и корифеев журналистики), с которыми ее связывала двадцатилетняя дружба со времен студенчества, то обомлела. Нет, не от звездного состава, а от круглого, накрытого без затей столика, за которым мне предстояло уместить весь свой писательский, побитый гравием «антураж».

Гости сидели расслабленно, обсуждали новости и делились, каково им было держать пост. Из вежливости спросили даже меня. Я по-писательски пренебрежительно ко всяческим человеческим слабостям и с осознанием бренности бытия ответила, что легко.

Как бы не так. Скоро поймете, о чем это я.

Когда наступило время разговения, я с чувством исполненного долга потянулась за стаканом воды, а на самом деле, с учетом размеров столика, зашуршала накидкой едва ли не под носом у гостя, сидевшей напротив, и залпом его осушила. И тут же поняла, что со звуком жадного глотания воды конкурирует другой, и это, о боже, молитвы! Один из приглашенных, оказывается, читал суру, а остальные — те, которые признавались, как им тяжело, — повторяли за ним. И только я одна — та, которой было легко, — опорожнила полный стакан воды¹ и не знала, как незаметно поставить его обратно на столик.

Тем временем новоявленный имам разошелся не на шутку и читал уже третий том сур. Изображать, что я терпелива и одухотворена, как все остальные, не имело смысла. Стакан предательски пустовал, отчего мое нервное и смущенное постукивание ногтем по стеклу звучало только громче.

К слову, это стало не единственным конфузом за вечер. Советник посла оказалась теткой прошаренной, начитанной

¹ Во время поста в Рамадан мусульманам предписано воздержание от пищи и воды в светлое время суток.

и, найдя близкого по духу человека, писателя, который, должно быть, читал не меньше ее, начала гонять меня по литературе девятнадцатого и двадцатого веков и выспрашивать мое экспертное мнение. В начале вечера я еще старалась от нее отбиваться, но к середине — когда засобирился один из гостей, производитель мебели, а она, пожав ему на прощание руку, заявила: «Вам надо почитать книгу о деревьях Амазонии, очень любопытно про древесину написано. Вы же работаете с деревом? Мне интересно ваше мнение», — выдохнула. Не одну меня экзаменовали в тот вечер, и не одна я оказалась тьмой беспросветной.

В два часа ночи я возвращалась домой, как со свидания, — летящей походкой.

Зашла в магазин за тортиком (с вот-вот истекающим сроком годности), чтобы с утра поздравить сына с днем рождения, и решила поделиться с сонной кассиршей, что я — писатель!

— Пишу книгу с Динарой Сатжан! Представляете, я — настоящий писатель! — не переставала я восторгаться. — И больше не аферистка! Я — писатель! — выкрикнула в ночное небо Астаны и поскакала на своих каблуках, словно во мне и не было восьмидесяти килограммов.

Не удивлюсь, если кассирша подумала, что в ночь на четверг к ней заходила... очередная пьяница.

Книга, кстати, была написана. Но не увидела свет по неизвестным мне причинам. В ночь на четверг я еще не знала, что не каждая рукопись «идет на бал». Бывает, что она остается в папке на рабочем столе, среди золы несбывшихся надежд. Бывает, что обрастает аулом других папок и рукописи собираются вместе в одном уголке и терпеливо ожидают своего часа.

Как дождалась и эта.

Папка с рассказами о женщинах моего, соседнего и чужого дома, о казахстанских женщинах и о женской доле.

Рассказы

Дочь генерала

Гизат Хамзаулы, генерал на пенсии, прятался в кабинете от шумных внуков: в гости с ночевкой пришла дочь с детьми, и пока она оживленно беседовала с его женой, своей матерью, мелкое хулиганье переворачивало дом вверх дном. Время от времени внуки забежали в кабинет посидеть на коленках у аташки¹, поговорить о том о сем или исподтишка порисовать на важных документах. Только старшая внучка Мерей, как обычно, забралась на диван, удобно поджав под себя ноги. Она подняла взгляд от телефона лишь затем, чтобы с натянутой вежливостью поприветствовать дедушку: «Сәлеметсіз бе»². Гизат Хамзаулы, улыбнувшись ее старанию говорить на казахском, поцеловал внучку в макушку и спросил:

— Сабақ қалай?³

— Нормально! — закатила она глаза на кринжовый⁴ вопрос.

— Жақсы оқы⁵, — ответил он своей коронной фразой.

На этом их общение обычно заканчивалось, но в этот раз аташка вдруг решил сблизиться с подростком и не придумал ничего лучше, как спросить сразу о важном:

— Үлкен болғанда кім болғың келеді?⁶

— Блогером! — заявила внучка.

— А что делает блогер? — улыбнулся генерал.

— То, что мама делает.

— А что делает мама?

— Вы не знаете, что делает ваша дочка? — удивилась девочка. — Вы что? Не подписаны? Кринж какой-то.

— Кринж?

¹ Дедушка. — *Здесь и далее перевод с казахского, если не указано иное.*

² Здравствуйте.

³ Как уроки?

⁴ Заставляющий стыдиться (от англ. *stinge* — «сжиматься», «съеживаться»).

⁵ Хорошо учишься.

⁶ Кем хочешь стать, когда вырастешь?

— Типа «капец», «е-мое», «ўят болды»¹.

Дедушка Гизат хмыкнул:

— Я же много работаю. Нет времени на интернет.

— Все равно кринж.

* * *

Тем же вечером Гизат Хамзаулы, как обычно, смотрел телевизор, переключая каналы в греческой пляске сиртаки — туда-сюда. И вдруг пришло сообщение от Мерей.

Он улыбнулся, поскольку это случалось редко.

В сообщении была ссылка, нажав на которую, он оказался в блоге дочери: красивая брюнетка в синей блузке улыбалась ему с фотографии.

«Мәрияш қалай апама ұксап кетті»², — подумал Гизат Хамзаулы, увидев в дочери образ своей покойной матери. Он листал ленту, фотографию за фотографией: дочь в обнимку с сыновьями, дочь пьет кофе с Мерей, дочь с мужем...

Генерал долго не ложился спать: знакомился с взрослой Мариейш. От поста к посту он чувствовал гордость от того, какой выросла его маленькая упрямая девочка. Он смеялся над ее разговорами с детьми, улыбался ироничным замечкам о самой себе, огорчался ее провалам, радовался достижениям и продолжал листать вниз, не осознавая, что именно ищет.

Когда генерал наконец увидел себя в пестрой жизни дочери, то на долю секунды замер от неожиданности. Но палец кликнул по фотографии быстрее, чем он решил узнать правду под ней:

Любое поздравление с днем рождения меня или моих детей он подписывает одинаково: «Көкең³ — Гизат Хамзаулы».

¹ Стыдно.

² Как Марияш стала похожа на мою маму.

³ Твой папа.

В этом весь он: и родной «көке», и в то же время — держащий дистанцию «генерал».

Вспоминаю, как по дороге на работу строгий, но смущающийся көке молча завозил меня, в короткой красной юбке, в школу. Звонил мне, студентке МГУ, и молчал в трубку пару секунд, пока я не начала что-то рассказывать, и только потом заботливо спрашивал, тепло ли я одета и хорошо ли питаюсь.

В его молчании есть все: и предупреждение, и наказание, и похвала.

Хвалит он особенно! Представляя новым знакомым, говорит: «Бұл — Мәрияш, МГУ-ды бітірді...»¹ На этом все! Зато сидишь потом годами в декрете довольная: «Он хвастался мной! Он гордится мной!»

С тех пор как я вышла замуж, отношения у нас по протоколу. Вот только любовь к моим детям выдает его любовь ко мне.

Гизат Хамзаулы прочел пост, и у него перед глазами появился образ Мариям, но не студентки, не школьницы, а четырехлетней малышки в желтом пуховике, сидящей рядом с охранником на скамейке.

Он забыл ее забрать из детского сада. Жена оставалась дома с младшим ребенком, уверенная, что Гизат зайдет за дочерью. Сотовых телефонов не было, за окном уже стемнело, ну как иначе?

Но Гизат допоздна рассматривал жалобы. Поджимали сроки, и он заработался. Подходя к дому, он вспомнил, что надо зайти в магазин за молоком «на утро», а потом и о том, что должен был забрать дочь еще три часа назад.

Молодой прокурор рванул изо всех сил — и уже через двадцать минут оказался на давно опустевшем дворе детского сада. Там он перешел на шаг — быстрый, размашистый, якобы

¹ Это Марияш, она окончила МГУ.

уверенный, — хотя внутри все переворачивалось: «Все ли в порядке с дочкой? Вдруг она плакала все это время?»

Едва он открыл дверь, как Мариям, послушно сидящая рядом с охранником, вскочила и с разбегу кинулась в отцовские объятия. Гизат счастливо подкинул ее несколько раз в воздух, сдержанно кивнул охраннику и на всякий случай взглядом пригвоздил того к стулу: «Не смей осуждать. Самобичевания хватит на годы вперед».

Вот и сейчас, когда он задумался о дочери, то сразу вспомнил ее в тот поздний вечер в детском саду. А не в родильном доме, где впервые увидел Мариям.

* * *

Гизат, уставший от неуютных съемных квартир, запаха кабинетов, пружин изодранного дивана в череде дежурных ночей, очень хотел семью. Он мечтал о жене, которая ждала бы его с работы, о детях, о тепле.

После свадьбы Гизат и его супруга Алия задумались о ребенке. Шло время, но беременность не наступала. Алия встречала его дома с покрасневшими от слез глазами, а за поздними ужинами супруги вели тихие разговоры о диагнозах врачей.

В день получения внеочередного звания, майора, Гизат праздновал и другое событие. Жена должна была вот-вот родить.

— Назову сына Майыр!¹ — смеялся он.

— А если не сын? — спросил кто-то из коллег.

— Будет сын. Нужен сын. Чтобы, если умру, род на мне не закончился, — ответил мужчина и выпил до дна «Матумбу» со звездой.

В ту ночь ему позвонили из роддома и сообщили, что роды были тяжелыми. Лишь тогда он испугался: не только за жизнь ребенка, но и за жизнь жены. Мужчина тотчас сел

¹ Майор.

в такси и поехал в роддом, умоляя Аллаха простить его за гордыню: «О Аллах, мне не нужен сын, мне нужны здоровые жена и ребенок», — шептал он без остановки как молитву.

Гизат зашел в палату реанимации, воспользовавшись служебным положением, и никак не мог отдышаться: перед глазами мелькали светлячки. В холодном больничном свете он наконец разглядел супругу. Укрытая несколькими одеялами, Алия лежала на кровати и смотрела в потолок. Увидев Гизата, она затряслась в тихих рыданиях. Муж погладил ее по голове и прошептал со всей искренностью: «Красавчик», вложив в это слово и «молодец», и «люблю», и «спасибо», и «какая ты сильная».

Алия заплакала еще сильнее: «Какой я красавчик, я не смогла родить».

В мгновение ока сердце ухнуло в пропасть. Гизат обернулся на медсестру, стоявшую недалеко от двери. Девушка покачала головой, отвечая на незаданный вопрос, и сказала, что сейчас принесет младенца.

Не прошло и нескольких минут, как она вернулась в палату, толкая перед собой детскую каталку.

В этот момент он впервые и услышал покряхтывание новорожденной.

Гизат подошел к боксу и долго смотрел на синеватое, отекшее личико дочери. Медсестра предложила взять девочку на руки, но он отказался: настолько крошечной она казалась. Девушка улыбнулась — ей было привычно видеть такой страх, — взяла в руки спящего ребенка и передала со словами: «Из-за кесарева девочку не приложили к матери, поэтому обнимите вы, это нужно, чтобы она чувствовала себя в безопасности».

«Чувствовала себя в безопасности», — эхом звучало в голове Гизата, пока он прижимал младенца к себе. «Должен обеспечить безопасность. Я не имею права на смерть. Теперь в этом мире есть девочка, которую нужно защищать».

Ощущение счастья пришло намного позже.

Наверное, когда он увидел бегущую к нему Мариям в желтых гольфиках.

Или когда она ждала его с работы с книжкой в руках и, не поддаваясь на уговоры матери, не ложилась спать без папиного чтения на ночь.

Или когда залезала к отцу на коленки и, нетерпеливо ерзая, рассматривала картинки в детской энциклопедии, пока родители пили чай.

А вот Гизат стоит в дверях, ожидая дочь, пока та соберется в школу. Ей уже шестнадцать лет. Высокая, красивая, в короткой красной юбке. «Почему в школу пускают в таком виде?» — думается ему, но он деликатно молчит. Он стесняется повзрослевшей Мариащ, недовольно смотрит на жену. Дочь перехватывает взгляды родителей, тяжело опускает ногу, на которой застегивала босоножку и, шумно вздохнув, выходит из квартиры, будто бы случайно толкнув портфелем того, кто стоит в прихожей. То есть отца, прокурора города.

А потом случилась та история. Мариащ было около двадцати. Она начала задерживаться по вечерам с подружками, а вернувшись, закрывалась в комнате. Иногда приходила с цветами, иногда хлопала дверью перед носом у того, кто провожал ее до квартиры. Но однажды дочь с отцом встретились в ресторане.

Гизат Хамзаулы сидел со знакомыми за столиком недалеко от входной двери, когда в ресторан ввалилась шумная толпа девушек. Все как на подбор красивые, высокие, в ярких платьях, они хохотали на все заведение: им дела не было до людей вокруг. Пока одна из них не подошла к столику прокурора. Это была Мариащ. Она поздоровалась с отцом, кивнула мужчине и уставилась на женщину. Та даже не подняла головы. Тогда Мариащ улыбнулась высокомерно, кажется, даже фыркнула и отчетливо произнесла: «С воспитанием нынче туго». Затем опять посмотрела на отца, и в ее взгляде читалось: «Не стыдно ходить по ресторанам? Твое время прошло, сиди дома, как старик. Какой позор тусить в ресторане, где гуляет молодежь. И вообще, что это за тетка?»

На следующее утро Гизат Хамзаулы, нагнувшись, начищал ботинки в прихожей, пока не увидел босые ноги дочери почти у своего носа.

— Кто она? — дерзко спросила Мариям.

— Кто «кто»? — усмехнулся отец, подняв голову. Он не слышал таких вопросов даже от жены.

— Не надо тут изображать мне! — свирепо прошептала дочь, желая оставить разговор между ними и по-своему защищая мать от боли.

Гизат смерил ее долгим взглядом, не от злости или обиды, а потому, что не нашел, что ответить. Не был готов к тому, что дочь может быть им недовольна и может любить его не так безусловно, как раньше.

Прокурор обулся и ушел на работу.

* * *

«Сколько лет прошло с того времени? — подумал Гизат, возвращаясь в реальность. — Сейчас она уже мама четырех детей».

Но Мариям стала не только мамой четырех детей: она стала писательницей.

* * *

На следующее утро Гизат Хамзаулы расхаживал по квартире и выискивал книгу Мариям. Наверняка дочка оставила авторский экземпляр и для них с женой. Но ничего не находил, а спрашивать было «кринжово», как сказала бы внучка. Поэтому он подозвал Мерей и предложил прогуляться до книжного магазина.

Воскресным утром по улице, залитой апрельским солнцем, шли седой мужчина с военной выправкой и легкой хромотой и девочка десяти лет.

Мерей тараторила обо всем, показывала что-то в телефоне, вокруг, на себе, а аташка улыбался и старался вникнуть во все, что она болтала. Когда они наконец добрались до магазина, внучка скрылась за полками с комиксами, а Гизат Хамзаулы так и застыл у входа: с обложек на витрине на него смотрела Марияш.

Он двинулся в сторону книг, неуверенно взял одну из них в руки, вгляделся в лицо дочери. Перевернул. Прочел отзывы. «Трогательная история взросления, которая поразит вас своей искренностью», «Стоит прочесть и позвонить папе», «Посвящается всем папам-генералам».

Гизат Хамзаулы присел на ближайший пуфик, открыл первую страницу и прочитал предисловие длиной в одну строчку:

*Все совпадения с реальностью случайны, кроме
моей любви к көке.*

«Қазақтарда мама-папа деп айтпайды¹. Көке от слова „көк“ — это синева, небо, а отец по значимости для ребенка как небо», — вспомнил он, как объяснял маленькой дочке, почему у всех есть мамы и папы, а у нее — мама и көке.

И вот он держал в руках открытую книгу Мариям и шептал теплое детское слово.

* * *

Повесть была написана в жанре дневника: за детскими неумелыми заметками следовали бойкие подростковые записи, а потом и трогательные признания взрослой женщины.

¹ Казахи не обращаются к родителям «мама-папа».

Дневник, мне 13 лет

Мы переехали в Шымкент, на улицу Лескова. У нас большой дом и даже маленький бассейн. Мне тут нравится, у меня много друзей. Я люблю играть в «мяч через трубу». Я всегда хочу попасть в команду Севары из дома на углу. Она сильная и классно кидает мяч, надо только в это время присмотреть за ее братиком!

А еще я люблю играть в казаки-разбойники, как стемнеет. Так прятаться в кустах легче. Обычно мы играем девочки против мальчиков. В последний раз моя подружка придумала хитрый пароль — «поцелуй». Если пацаны поймают и будут «пытать», мы скажем кодовое слово, а они будут думать, что надо целовать. Это очень смешно.

Вообще, на улице я нравлюсь многим мальчишкам. Они постоянно подсовывают письма с признаниями в любви под ворота, а иногда пишут слюной прямо на двери. Мне стыдно, потому что в эти двери, между прочим, заходит и мой папа.

Как-то мы играли в казаки-разбойники, и мальчик по имени Адик схватил мою подругу и начал «пытать», чтобы та выдала кодовое слово. Я выбежала из тайника и заступилась за нее, а хулиган толкнул меня в куст крапивы. Я не заплакала, хотя очень хотелось. Вся ужаленная, выбралась из кустов и поспешила домой с мыслью: «Не побегу! Не дожدهшься!»

Когда я с ревом забежала домой, кёке решил поговорить с родителями Адика. Я повела его в конце улицы, где находился дом этого хулигана.

Потом кёке вышел и коротко сказал, что Адик больше не подойдет, и спокойно направился домой. Я, радуясь, вприпрыжку бежала позади него. Хоть так и не решилась взять его за руку.

Я так гордилась, что у меня есть грозный, немногословный, непобедимый защитник — отец, что, честно

говоря, хотела сразу обойти еще несколько домов, где жили хулиганы, которые обижали моих подружек.

Я хочу, чтобы он знал, что, пусть мне неловко с ним в одной комнате, но, пока он на одной со мной Земле, мне ничего не страшно.

Дневник, мне 16 лет

Я обидела көке. Мне так плохо. Он стал какой-то грустный. Не смотрит в глаза. Наверное, ненавидит. Зачем я огрызнулась при водителе? И мама сказала, что так нельзя. Блин, он меня простит? Напишу ему письмо, объясню, что просто он достал с этим «қазақша сөйле»!¹ Ненавижу «күй»², «айтыс»³, это его «қанша орысша сөйлесең де, орыс болмайсың!»⁴. Даже не похвалил, что я выиграла олимпиаду по географии! «Қазақша! Қазақша!» Не видит ничего, кроме казахского языка! Ненавижу! Если я умру, будет жалеть, что доставал меня и даже не разглядел, какая я умная. Будет еще плакать! А все! Уже нет дочери! Такой хорошей и любящей его. Поезд ушел, вот так-то!

Люди постоянно спрашивают: «Почему көке? Он что, не родной папа?» Почему нельзя, как у всех, «папа»?

Дневник, мне 22

Я скучаю по көке. И хочу быть просто папиной дочкой... как вчера, когда он приехал в Алматы, заехал ко мне

¹ Разговаривай на казахском.

² Традиционная казахская инструментальная пьеса.

³ Импровизированное состязание двух акынов, форма устной народной песенной поэзии.

⁴ Сколько ни говори на русском, русским не станешь!

без предупреждения и взял с собой в гости к родственникам. Посадил рядом с собой, даже төрге¹. Я как будто вечность келін², хотя всего-то месяца два, а как будто вечность сижу у двери, в конце стола. И никто не подкладывает мне вкусные кусочки на тарелку, как он в тот вечер, когда сидел рядом и ухаживал за мной. Я как будто вечность ем стоя, на бегу, по дороге на кухню, домывая посуду. Вечность — это всего два месяца. Но как это непривычно — быть келін, а не любимой дочкой.

Скучаю. Приезжал бы он чаще.

Дневник, мне 28

Я дважды мама! И только сейчас я поняла, какая она, любовь родителя к ребенку: самая сильная, безусловная, вдохновенная. А я, дурочка, всерьез обижалась на отца. Раз он мой отец, значит, любит меня до космоса. Наткнулась на днях на свой детский альбом в родительском доме. Я рассматривала его раз сто, но только в этот раз впервые увидела строчки, записанные отцом: считалки, стишки, которые он разучивал вместе со мной.

А я и не знала, откуда они у меня в голове, просто перед сном раз за разом, пока не надоеет, играю с детьми в «қуыр-қуыр-қуырмаш, балапанға бидай шаш...»³ или вдруг выдаю сыну, как будет на казахском «крокодил» или «жираф». Оказывается, свободными вечерами көке мог без усталости рассматривать со мной книги о животных и переводить их названия так, что мы знали переводы не обычных «коров» да «гусей», а экзотических «носорогов» и «бегемотов».

¹ На самом почетном месте за столом, во главе стола.

² Невестка, сноха.

³ Казахская народная считалка.

Көке меня любит! И всегда любил, даже когда работал круглосуточно.

Гизат прочел книгу за вечер. Он долго лежал на диване, глядел, а в голове у него звучал голос дочери, читающий последние строки:

Дневник, а можно, когда исполнится тридцать три, я напишу, что папа меня обнял сильно-сильно, не стесняясь, словно я опять двухлетний ребенок?

Дневник, пусть, когда мне будет тридцать четыре, он прочтет эту книгу и поймет, как я люблю его. Хоть и скажет сначала: «Қазақшаға аударып берейін!»¹ — но следом добавит: «Бәрі оқысын!»²

Дневник, а можно он будет жить долго, чтобы твои страницы закончились, а наша история — нет?

Гизат Хамзаулы вышел из кабинета и направился на кухню: во рту пересохло.

Там горел свет: Мариям разогревала смесь для грудничка. Увидев отца и его покрасневшие глаза, она обеспокоенно спросила, что случилось. Гизат суетливо замотал головой и, попросив поставить чайник, прошел в ванную, чуть прихрамывая. Мариям смотрела ему вслед, недоуменно разглядывала его сутулую спину и только потом заметила у отца под мышкой знакомую синюю книгу.

¹ Давай переведу на казахский язык.

² Пускай все читают.

Дорогой Дедушка Мороз...

— Мам... ма-а-ам? Ты спишь?

— М-м-м...

— Я написала письмо Деду Морозу.

— Что попросила?

— Не скажу.

— У нас же нет секретов.

— А Дед Мороз может привезти моего папу?

Я молчала, не зная, что ответить дочери. Молчала и Адия, было слышно только ее дыхание.

— Мам, ты что, заснула?

— Нет, жаным¹.

— Дед Мороз может привезти моего папу?

— Ты это попросила в письме?

— Я попросила куклу LOL. Из «Снежной коллекции».

И, — осторожно продолжила, как будто извиняясь, — чтобы приехал папа, если у него будет время.

— Хорошо. Давай спать.

— Дед Мороз привезет папу?

Я тяжело вздохнула.

— Ма-ам, спишь?

— Да, давай спать.

— «Давай спать», «давай спать», — передразнила она. —

Не могу терпеть уже.

— Не терпи и спи.

— Не буду.

— Хорошо. Давай поиграем, кто дольше всех не заснет!

Одно условие: надо молчать и нельзя закрывать глаза.

— Спорим, я выиграю? Я всегда выигрываю!

— Ну, давай! Поехали!

¹ Душа моя.

Выиграла я. Лежала и вглядывалась в темноту в поисках правильного ответа. Что делать, если дочь требует папу? Между тем Адека уже спала. Это было моим изобретением по укладыванию дочери. Стоило только предложить игру: лежать в темноте с открытыми глазами и молчать, как Адия тут же засыпала с единственной мыслью «победить маму».

* * *

— Это я. Эм-м-м, Дария, — зачем-то уточнила я.

— Привет... — услышала осторожный голос Марлена на другом конце.

— Ты еще хочешь... — я замерла. Ноги подкашивались, и я присела на краешек стула, боясь, что и стулу покажусь непомерной ношей. Собралась с духом и договорила ледяным тоном: — Встретиться с Адекой?

Мой вопрос, как и звонок в целом, казалось, застали его врасплох. Он замычал в ответ что-то нечленораздельное.

— Ты сказал «ох»? — завелась я.

В памяти тут же всплыло, как год назад Марлен позвонил в день рождения дочери и так запросто позвал ее к телефону, словно минутой ранее они не договорили. А затем вспомнилась и сцена в роддоме, когда я с младенцем на руках просила Марлена не уезжать или вернуться хотя бы на выписку: «Наша дочь будет спрашивать о тебе, для девочек важно знать, что ты ждал ее появления на свет. Ты должен быть на фото... хотя бы», — умоляла я. «У меня дела, я не смогу приехать», — выдал он уже у дверей и ушел — неловко и жестоко. Я заорала вслед, как раненое животное; плакала очень громко, громче, чем в муках рождения ребенка. Плакал и мой папа, стоявший у двери палаты и слышавший весь разговор. Он так хотел защитить свое дитя, но впервые не смог.

— А что? — наконец ответил Марлен.

— Ничего. Просто ты говорил, что хочешь быть в ее жизни. И я подумала, что, если ты обдумал все серьезно, может, так будет правильно.

— Понятно... Э-э-э... Когда и где?

— Кафе «Көктем». В субботу в обед, нормально?

— Нормально...

— Ладно, пока, — я хотела быстрее закончить разговор.

— Подожди, Дария! Э-э-э... А где я был все это время для Адии? Ну, в космосе там или в море, в дальнем плавании? — Марлен попытался смягчить шуткой болезненный вопрос.

— У тебя... — задумалась я, — дела были.

* * *

— Ма-а-ма-а! Дед Мороз подарил мне большую куклу LOL! И тут записка...

— Да ты что?! Это классная игрушка?

— Ма-ам, ты чё! Это самая классная игрушка. Такой у меня не было как раз. А я хотела!

— А что в записке? Прочитай.

— *Дорогая Адия. Спасибо за письмо, я очень рад, что ты научилась писать и читать. Я нашел твоего папу, — дочь превралась и посмотрела на меня долгим взглядом. — Он немного заблудился, пока искал дорогу к тебе. Твой папа с нетерпением ждет встречи, чтобы сказать, как сильно любит тебя. В субботу приходи с мамой в кафе «Көктем». Дедушка Мороз, — запинаясь, жадно дочитала дочь.*

И расплакалась.

* * *

Я уже минут сорок убиралась на кухне, постоянно зависая то над струей воды из-под крана, то над столом — с тряпкой в руках. Воспоминания калейдоскопом крутились в голове.

У нас с отцом Адеки не было свадьбы: лишь ужин с родителями. Я думала, так правильно, ведь со стороны жениха пришла бы только мать, а с моей — орда родственников. Приятно ли это было бы Марлену? Вряд ли.

Зато мы поехали в долгое свадебное путешествие по Европе. Целовались по-европейски, не стесняясь, посреди улиц, фотографировались у каждой скамейки, у каждого здания, ели вкусные и не очень блюда, хохотали на нудистском пляже, напиваясь до куража, и ночью голышом плавали в Средиземном море.

Как только мы вернулись домой, меня начало тошнить. Врач утверждал, что всему виной шесть недель беременности, я же была уверена, что дело в беснующейся от ревности свекрови, у которой мы поселились.

Но как такового совместного проживания не было: мы с Марленом пропадали на работе до позднего вечера и ужинали в кафе. Я не стала домашней невесткой. Наверное, это и не нравилось свекрови. К тому же беременность и постоянное желание спать и чуть что бежать к унитазу не делали меня прилежной хранительницей очага.

В один из таких дней, когда токсикоз измотал вконец, я отпросилась с работы домой. Собиралась завернуться в одеяло и посмотреть какой-нибудь фильм, пока не было домочадцев.

Я улеглась на кровать, захватив с собой тарелку с виноградом и ноутбук мужа. Едва открыла компьютер, как запищал от уведомлений скайп. Внутри все сжалось. Я знала, от кого пришли сообщения.

Оказалось, что переписку со своей первой любовью Марлен вел годами: и когда мы ездили в Европу, и когда я училась в США, и когда Марлен делал мне предложение. Кстати, тогда он пытался быть честным и даже написал ей: «Сегодня сделал Дарие предложение. Все кончено». Через неделю она прислала как ни в чем не бывало: «Что делаешь, мопсик?»

Когда домой пришла свекровь, я притворилась спящей. Не стала выходить и когда Марлен вернулся с работы.

Содержание

Вместо предисловия, или Моя большая писательская афера	5
Рассказы	15
<i>Дочь генерала</i>	17
<i>Дорогой Дедушка Мороз...</i>	29
<i>Красная Шапочка</i>	39
<i>Ежик</i>	42
<i>Ежедневник</i>	54
<i>Рақмет, айналайын... Алиса</i>	57
<i>Дорога</i>	69
<i>Няня</i>	75
<i>Свекр</i>	96
<i>В роддоме рождаются сначала мамы...</i>	102
Дневник жены прокурора. Повесть	113
<i>10 марта</i>	121
<i>11 марта</i>	121
<i>19 марта</i>	121
<i>22 марта</i>	122
<i>23 марта</i>	125
<i>14 апреля</i>	159
<i>15 мая</i>	164
<i>5 июля</i>	168
<i>9 июля</i>	168
<i>15 июля</i>	169

<i>23 июля</i>	169
<i>3 августа</i>	170
<i>19 августа</i>	170
<i>11 сентября</i>	176
<i>17 сентября</i>	177
<i>20 сентября</i>	177
<i>6 октября</i>	178
<i>8 октября</i>	182
<i>15 октября</i>	183
<i>5 ноября</i>	185
<i>24 ноября</i>	187
<i>6 декабря</i>	188
<i>16 декабря</i>	189
<i>30 декабря</i>	190
<i>1 января</i>	191
<i>7 января</i>	192
<i>14 февраля</i>	194
<i>8 марта</i>	195
<i>9 марта</i>	197
<i>10 марта</i>	199

Благодарности и, кажется, извинения	201
--	-----